

УДК 821.131.1
ББК 83.3(4Ита)4

«СВОЕ» И «ЧУЖОЕ» В ИТАЛЬЯНСКИХ ОПИСАНИЯХ ПАЛОМНИЧЕСТВ В СВЯТУЮ ЗЕМЛЮ (XIV–XV ВВ.)

© 2020 г. А.В. Топорова

*Институт мировой литературы
им. А.М. Горького Российской академии наук;
Российский государственный гуманитарный уни-
верситет, Москва, Россия*

Дата поступления статьи: 25 февраля 2019 г.

Дата публикации: 25 июня 2020 г.

DOI: 10.22455/2500-4247-2020-5-2-88-101

Аннотация: С середины XIV в. паломничества приобретают в Италии массовый характер, наблюдается значительное расширение социальной среды, к которой принадлежат паломники. Многие из них вели дневники своего путешествия. В путешествиях замкнутый мир средневекового человека расширяется, устоявшаяся картина мира меняется, в нее вторгается множество новой информации, которую надо осмыслить и поместить в найденное для нее место, и часто надежным методом такой классификации становится сопоставление нового со своим. Поэтому паломники обращают внимание, прежде всего, на то, что отличается от привычных для них вещей, что они воспринимают как диковинное, непонятное, чудесное. Здесь нередко описания приближаются к жанру *mirabilia*. В изображении неизвестного мира и его реалий можно отметить две противоположные тенденции: с одной стороны, неприятие и страх; с другой — интерес и желание узнать побольше. Подход к новому у каждого автора свой: кто-то видит в любом непривычном для него явлении чудо и описывает его, не стесняясь добавлять «живописные» и обычно неправдоподобные детали от себя; а кто-то придерживается «реалистической» манеры изображения и не украшает свой рассказ дополнительными вымышленными деталями. С течением времени доля и модальность таких описаний меняется: если в Средние века акцент ставился на изображение мест Священной истории и духовном назидании, то в XV в. он начинает смещаться в сторону развлечения читателя.

Ключевые слова: литература о путешествиях, средневековые паломничества, дневники паломничества, жанр *mirabilia*, Никколо да Поджибонси «Заморская книга».

Информация об авторе: Анна Владимировна Топорова — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия; профессор, Российский государственный гуманитарный университет, ул. Чайнова, д. 15, 125047 г. Москва, Россия.

E-mail: anna.toporova@gmail.com

Для цитирования: Топорова А.В. «Свое» и «чужое» в итальянских описаниях паломничества в Святую землю (XIV–XV вв.) // Studia Litterarum. 2020. Т. 5, № 2. С. 88–101. DOI: 10.22455/2500-4247-2020-5-2-88-101

THE “STRANGE” AND THE “FAMILIAR” IN ITALIAN DESCRIPTIONS OF PILGRIMAGES TO THE HOLY LAND (14TH–15TH CENTURIES)

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

© 2020. A.V. Toporova

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Received: February 25, 2019

Date of publication: June 25, 2020

Abstract: Starting from the mid-14th century, pilgrimage became a popular activity in Italy, the social status of the individuals participating in this activity suddenly became more varied. Many of the pilgrims kept diaries of their journeys — a genre that became very popular. Thanks to these journeys, the closed world of the medieval man began to expand, and his traditional worldview changed, incorporating a lot of new information. This information had to be understood and classified, and often a reliable method of classification was comparison of the new and the familiar. For this reason, pilgrims paid attention, first and foremost, to things that differed from what they were used to and that they perceived as strange, incomprehensible, and miraculous. Here their descriptions often approached the genre of the *mirabilia*. One can identify two opposite trends in these depictions of a new world and its realities: rejection and fear, on the one hand, and interest and curiosity on the other. Each author takes a different approach to new information: some considered every unfamiliar phenomenon to be a miracle and described it in corresponding terms, often adding “picturesque” and usually farfetched details along the way. Others adopted a “realistic” and quasi-scholarly style of description, refraining from embellishing their accounts with invented details. The relative share and modality of such descriptions changed over time: whereas emphasis was placed in the Middle Ages on depicting places from the Bible and on spiritual edification, pilgrims’ diaries became increasingly bent on entertaining readers.

Keywords: descriptions of journeys, medieval pilgrimage, the pilgrims’ diaries, the genre of *mirabilia*, Niccolò da Poggibonsi “Libro d’Oltremare”.

Information about the author: Anna V. Toporova, DSc in Philology, Leading Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia; Professor, Russian State University for the Humanities, Chayanova 15, 125047 Moscow, Russia.

E-mail: anna.toporova@gmail.com

For citation: Toporova A.V. The “Strange” and the “Familiar” in Italian Descriptions of Pilgrimages to the Holy Land (14th–15th Centuries). *Studia Litterarum*, 2020, vol. 5, no 2, pp. 88–101. (In Russ.) DOI: 10.22455/2500-4247-2020-5-2-88-101

Паломничества в святые места предпринимались уже в первые века нашей эры, а с IV в., когда христианство было признано государственной религией и гонения на христиан прекратились, их количество значительно возросло. Преимущественным местом паломничеств была Святая Земля — Иерусалим, Вифлеем, Иордан, а также Синай, Александрия, Каир.

Почти сразу появляются путеводители или описания святых мест, содержащие как религиозные сведения, так и практические советы. Одним из самых ранних (IV в.) образцов является краткий путеводитель из Бордо в Иерусалим («*Itinerarium Burdigalense*»). К этому же времени относится описание блаж. Иеронимом его странствия по Палестине в «Надгробном слове блаженной Павле». В VI в. появляются сочинения «О положении Святой Земли» («*De situ terrae sanctae*») Феодосия, «Путешествия Эгерии», анонимный «Иерусалимский бревиарий» («*Breviarius de Hierosolyma*»), в VII в. — «О святых местах» («*De locis sanctis*») Беда Достопочтенного, труд, пользовавшийся большим успехом на протяжении веков и послуживший источником многочисленных заимствований; в IX в. Теодорих пишет трактат под таким же названием, а Петр Дьякон составляет «Путеводитель святых мест» («*Itinerarium de locis sanctis*») [1; 3; 5; 7].

В Италии паломничества по святым местам активизируются начиная с XII в. В это время они становятся несколько более безопасными в связи с прекращением арабских набегов и утверждением эпохи крестовых походов (вспомним, что первый Крестовый поход завершился в 1099 г. взятием Иерусалима). Тогда же утверждается практика индульгенций — полного прощения грехов на определенный срок в случае посещения святых мест (составляются длинные списки святынь с указанием, на сколько лет дается отпущение

грехов). В 1140 г. Раньери даль Борго из состоятельной купеческой семьи, переживший обращение после бурной юности, оставляет свое имущество сестре и отправляется в Святую Землю, где проводит тринадцать лет. Известно, что к нему приходили за советами и наставлениями итальянские паломники. Однако первые тексты, описывающие паломничества, относятся к XIV в.: то ли более ранние свидетельства не сохранились, то ли насущная потребность в них возникла именно в это время, когда паломничества стали массовыми.

Если до этого их предпринимали в основном монахи, клирики, духовные лица, то с середины XIV в. наблюдается значительное расширение социальной среды, к которой принадлежат паломники. В паломничества отправляются и миряне, купцы, политики, придворные, дипломаты, ремесленники; люди образованные и не очень; состоятельные и среднего достатка [15]. Что касается их возраста, то он тоже варьируется; чаще всего паломники — это зрелые люди, но еще полные физических сил, однако есть случаи, когда паломничества совершались под конец жизни, в преклонном возрасте (Лионардо Фрескобальди, Микеле да Фильине). «Антропологический тип» паломника¹ встречался в Италии повсюду, жители самых разных итальянских городов оставили воспоминания о своих странствиях.

Перечислим основные тексты, на которые будем ссылаться, и их авторов. В 1346–1350 гг. францисканец Никколо да Поджибонси посещает Святую Землю и составляет описание своего путешествия — «Заморская книга» («Libro d'Ultramare»). Это первое подробное описание Святой Земли, рассчитанное на будущих паломников, написанное на итальянском языке.

В 1384 г. на Святую Землю отправляется группа флорентийцев, трое из которых оставят описания этого путешествия. Лионардо Фрескобальди, автор «Путешествия в Святую Землю» («Viaggio in Terrasanta»), происходил из знатного рода, представители которого занимались торговлей, банковским делом и политикой (принадлежали к партии гвельфов). Сам Лионардо в юности неоднократно участвовал в сражениях, а позже исполнял ряд должностей в Коммуне — входил в Совет двадцати, был подеста в Каstellо, участвовал в дипломатических миссиях. Симоне Сиголи, составивший «Путешествие на гору Синай» («Viaggio al monte Sinai»), также был из гвельфской благородной семьи. Джорджо Гуччи, написавший «Путеше-

¹ Л. Дзандзи говорит о паломнике как об антропологическом типе средневекового человека [16, р. 91].

ствие по святым местам» («Viaggio ai luoghi santi»), имел престолярное происхождение; однако известно, что в 1379 г. он был избран одним из приоров, а пятью годами позже был послом в Риме.

В 1413 г. на Святую Землю отправляется необычная шумная придворная компания из Феррары, включающая в себя около пятидесяти человек. Возглавляет ее герцог Феррарский Николо III д'Эсте, незаконнорожденный сын Альберто V д'Эсте и Изотты Альбарезани, военный, политик, дипломат. Вести дневник путешествия он поручил своему канцлеру Лукино даль Кампо, его труд озаглавлен «Путешествие герцога Николо д'Эсте к Гробу Господню» («Viaggio del marchese Nicolò D'Este al Santo Sepolcro»). Как мы увидим, это яркий, хотя и не единственный пример «придворного» паломничества.

В 1431 г. сиенский клирик Мариано да Сиена описывает свое последнее паломничество в Святую Землю — «Путешествие, совершенное ко Гробу Господню» («Viaggio fatto al Santo Sepolcro»). В 1474 г. банкир, служивший в лондонском филиале банка Медичи, а затем вступивший в доминиканский орден и ставший настоятелем монастыря Сан-Марко, из известного флорентийского рода, Алессандро Ринуччини описывает свой паломнический опыт в «Святейшем паломничестве ко Гробу Господню» («Sanctissimo viaggio del Sancto Sepolcro»). В 1480 г. чиновник, возглавлявший канцелярию миланского герцога Галеаццо Мария Сфорцы, Санто Браска отправляется в Святую Землю и описывает свое путешествие («Viaggio in Terrasanta»). В 1489–1490 гг. священник из окрестностей Флоренции Микеле да Фильине посещает Иерусалим и Египет и рассказывает об этом в своем дневнике.

Этот список можно было бы существенно расширить и продолжить, но и приведенного перечисления основных дневников паломничества достаточно для вывода о том, что жанр этот пользовался огромной популярностью. Его можно считать разновидностью описаний путешествий, путевых заметок. Впрочем, по форме своей он был неоднородным. Это могли быть путеводители (итинерарии), в которых подробно описывается маршрут паломничества, дается краткая характеристика места, указывается, где какие молитвы и богослужебные тексты надо читать, какие индульгенции можно получить; или описания святых мест (descriptions), на фоне событий Священной истории и с подробным перечнем культурных достопримечательностей; или собственно дневник, в котором события паломничества записывались хронологически, по дням. Четкой границы между этими разновидностями не было.

В этих текстах нередко описываются «чудеса», связанные с определенным местом — как религиозного характера, так и «естественного» (растения, звери), или «социального» — диковинные обычаи, манера одеваться, готовить пищу и т. п. Они восходят к распространенному средневековому жанру *mirabilia*, представляющему собой нечто среднее между энциклопедическими жанрами, суммами (ср. также бестиарии, флорилегии, лапидарии), и собственно путевыми записками, изобилующими интересными, реальными или вымышленными, сведениями [2]. Примечательно, что Ле Гофф в этимологии слова *mirabilia* указывает на визуальный аспект (*miror, mirari*) [8, р. 17–39], т. е. имеется в виду нечто необычное, увиденное собственными глазами и зафиксированное в тексте. В качестве прообраза этого жанра можно рассматривать «Собрание достопримечательностей» Юлия Солина.

Хотя для паломнических сочинений познавательный аспект не был главным, но человеческая любознательность, радостное удивление при виде нового и непривычного, разумеется, не могли не прорваться наружу. Поэтому описание местного населения и его обычаев, а также флоры и фауны посещаемых стран является не переменным топомом дневников паломничества², тем более что жанр дневника предполагает присутствие личных впечатлений от увиденного, даже если эти впечатления не имеют прямого отношения к «религиозной» линии повествования. В путешествиях замкнутый мир средневекового человека расширяется, устоявшаяся картина мира меняется, в нее вторгается множество новой информации, которую надо осмыслить и поместить в найденное для нее место, и, конечно, надежным методом такой классификации является сопоставление нового со своим. Паломники обращают внимание, прежде всего, на то, что отличается от привычных для них вещей, что они воспринимают как диковинное, непонятное, чудесное. В изображении неизвестного мира и его реалий можно отметить две противоположные тенденции: с одной стороны, неприятие и страх; с другой — интерес и желание узнать побольше. Надо сказать, что подход к новому у каждого свой: кто-то видит в любом непривычном для него явлении чудо и описывает его соответствующим образом, не стесняясь добавлять «живописные» и обыч-

2 Отметим, что даже в таком строгом жанре, как хроники крестовых походов, описание «чужого мира» присутствовало в немалых подробностях. Это рассматривалось как одна из особенностей исторического дискурса, призванного передать «культурную и временную специфику». См.: [14].

но неправдоподобные детали от себя; а кто-то придерживается «реалистической», если не сказать, научной, манеры изображения и не украшает свой рассказ дополнительными вымышленными деталями.

Никколо да Поджибонси придерживается второй манеры письма. Он любознателен, наблюдателен и информативен в своих описаниях. Ему все интересно, и он стремится передать увиденное читателю полно и точно, ничего не упустив и не исказив. Морские рыбы, верблюды в пустыне, красиво расписанный храм в Лидде, «дикие арабы», финики, способы молиться у евреев, греков и грузин и многое другое, чему он оказывается свидетелем и наблюдателем, заносит он в свой дневник. Интересует его и архитектура; так, он обращает внимание на красоту отдельных деталей Иерусалимского храма: «Le porti sono ad arco, volte e lavorate con belle colonne di porfido verde e rosso e bianco. In su l'arco della detta porta che s'apre si è una figura di santa Maria col figliuolo in braccio, ed è opera musaica, ma ora la maggior parte è guastata; e 'l limitario di sopra la porta, sotto la figura, si è di marmo bianco, ed ècci intagliato come Cristo risuscitò Lazzaro» [II, p. 43] («Двери сделаны в виде арки, они сводчатые и украшены красивыми колоннами из зеленого, красного и белого порфира. Над аркой этой открывающейся двери находится фигура Девы Марии с младенцем на руках, это мозаика, но сейчас большая ее часть повреждена; а портал над дверью, под фигурой, из белого мрамора, и там вырезано, как Христос воскресил Лазаря»). Нельзя сказать, что увиденное не производит на него впечатления (ср. его неоднократно повторяющуюся ремарку «che pare una meraviglia a vedere» — «что воспринимается как чудо»), но он не дает излишней эмоциональности и восторженности потеснить собственно «информативный» аспект. Примечательно, что там, где он не понимает, что происходит или что говорят, он обращается за разъяснениями к окружающим, а не дает собственных интерпретаций. Так, описывая религиозную процессию в Вербное воскресенье (гл. XXXVI), он упоминает о двух огромных оливах, наверху которых находились какие-то люди, что-то громко кричавшие, обращаясь к епископу. Поджибонси просит находившегося рядом переводчика объяснить ему эту сцену; тот отвечает, что выкрикивают «по-эфиопски», а он переводчик с «еврейского и сарацинского» [II, p. 55]. Этот, казалось бы, незначительный эпизод весьма важен для понимания метода работы Поджибонси. Описывая изобилие и разнообразие Дамаска, диковинные привычки его населения, которое не готовит еду дома, а все покупает на улицах и площадях (кстати, об

этой особенности пишут многие) и ест день и ночь, как если бы у людей были «железные желудки», красивые мечети, розовую воду и прочие интересные вещи, Поджибонси замечает в заключение, что многое из увиденного он опускает, поскольку опасается, что ему не поверят и поднимут на смех.

Поджибонси тяготеет к энциклопедическому стилю: его интересуют география, зоология, ботаника, искусство (архитектура, живопись, мозаика), этнография (быт, обычаи), геммология. Даже когда он явно поражен и восхищен увиденным, как в случае со слоном, он пытается дать «научное» описание — внешний вид, строение тела, привычки. Не менее поражают его жираф, дикая коза, бабуин и некоторые другие животные, названия которых он не может привести, так как рядом не было переводчика.

У Фрескобальди и Сиголи преобладает интерес к изображению нового, непривычного. Мусульманский мир представлен в их дневниках значительно ярче, чем христианский. Фрескобальди с живым интересом и воодушевлением, в деталях и с чувством, представляет читателю мир Александрии: внешний вид его жителей, их одежды, вооружение, дома. Особенно ярко изображен дворец султана: «In capo di questa scala si è una porta d'una gran sala, dove tutti fummo fatti scalzare <...>. Dalla parte di sopra si era a sedere in su drappi di seta colle gambe incrociate questo re, e li suoi baroni gli erano ritti innanzi, ed era bene insino al terzo della sala pieno lo spazzo di bellissimo drappi e tappeti» [11, p. 176] («Наверху лестницы дверь, ведущая в огромную залу, и там нас заставили снять обувь <...>. Сверху на шелковых тканях восседал, скрестив ноги, их царь, а его бароны стояли вокруг; и до трети залы пространство было заполнено тканями и коврами»). Описывает Фрескобальди и обычаи, в частности, способ хоронить умерших; мечети, религиозные обряды. Примечательно, что и местное население, через переводчика, расспрашивало паломника о жизни в его стране, о которой оно имело уже некоторые представления и знания; в частности, о существовании в этот период Папы и антипапы. Особый всплеск эмоций вызывают экзотические плоды (финики, кедровые орехи, арбузы и прочие), изобилие, разнообразие и удивительный вкус которых поражает автора; а также животные, и в первую очередь крокодил. Ему вторит Сиголи, плененный «райскими яблоками», грушами, сливами, арбузами, растущими в Александрии, необыкновенно дешевым мясом, курами и рыбой, продающимися на городских базарах. Каждому из наименований он посвящает отдельный абзац. Он сообщает также о местных

обычаях (например, сидеть на ковре, скрестив ноги), об отношениях мужа и жены, об одежде сарацин, о мусульманском посте; восторженно и в мельчайших деталях описывает товары, которые можно купить в лавках Дамаска. Тот же подход характерен и для Гуччи; одна из глав его сочинения (VI) носит такое название — «Повествует о невиданных вещах и чудесах Вавилонии и Каира» («Racconta delle cose mirabili e maravigliose di Babilonia e del Cairo»). Среди чудес Гуччи упоминает обилие людей и верблюдов, богатство султана, количество умерших во время эпидемии чумы, а также бальзамовое дерево, о котором подробно писал и Санто Браска.

Другие авторы менее красноречивы в изображении Востока, но и они передают то, что их поразило, что отличается от привычного им мира. Описание Санто Браски все построено на сравнении увиденного с родными ему местами и реалиями: по размеру Иерусалим такой же, как Павия; а крыши его домов не покатые, как «наши», а плоские, и музыкальные инструменты очень отличаются от «наших», равно как и одежда местного населения [6, р. 67–68]. Каир нельзя сравнить по богатству ни с Миланом, ни с Венецией [6, р. 142]. Описания Браски порой носят почти этнографический характер, он обращает внимание на мельчайшие детали мужской и женской одежды, подробно рассказывает об устройстве жилищ, о товарах и лавках. У Мариано да Сиена встречаются лишь отдельные краткие замечания о природе, местных жителей и их обычаях (так, его поразила работорговля). Главное для него — религиозный аспект его путешествия, все остальное остается, как правило, за кадром. Микеле да Фильине несколько более подробен, но в целом тоже пишет немного и без особых деталей: об опасном рифе, о почтовых голубях в Александрии, о работорговле, о способе приготовления пищи, о бальзамовом дереве, арбузе, крокодиле, о восточном базаре. Увиденный им красивый сад он сравнивает по размеру с одной из площадей Флоренции. Как и многие другие авторы дневников паломничества, он перечисляет разные группы христиан. Тот же обычный набор «диковинных» вещей находим мы и у Ринуччини. Для него тоже мерилom всего являются родные реалии — так, Гору искушений он сопоставляет с тосканскими Апенниннами. Для Лукино характерен не столько интерес к достопримечательностям, сколько желание подчеркнуть роскошь путешествия; именно так изображается турецкая баня с розовой водой в королевском дворце на Кипре или акробатические упражнения турка там же.

Описание мусульманских городов и обычаев почти всегда содержит в себе оценочные коннотации как в отношении конкретных особенностей жизни и поведения мусульман, так и в связи с мусульманской верой в целом. Чаще всего это отношение отрицательное, и вызвано оно не различием вероисповедания, а теми неприятностями, которые паломники претерпевали от мусульман на Святой Земле, — нападения, грабежи, ругань, обман. Как пишет Ринуччини: «...questa canaglia non si fanno coscienza alcuna di rubare i pellegrini et fare loro ogni altro male» [13, p. 68] («...эти каналы без малейшего зазрения совести грабят паломников и чинят им всякие прочие неприятности»). А Микеле да Фильине вспоминает, как в окрестностях Александрии араб напал на венецианца, повалил его на землю, бил ногами и палками, а затем посадил в темницу на цепь; все это «из-за ничего» («per non neente» [10, p. 65]), из-за какого-то спора, возникшего на корабле. В ответ паломники презрительно и насмешливо говорят о том, что мусульмане едят, сидя на земле, не готовят сами пищу, а покупают ее на базаре, облизывают губы, как собаки (вообще, сравнение с собаками — одно из самых распространенных). Но бывает, что и религиозные обряды и верования становятся объектом критики. Так, Сиголи эмоционально и не без преувеличений изображает молитвенную практику мусульман: «...e vanno intorno a questo ballatoio tre volte, gridando ad altissime voci ch'egli è nona, raccontando ancora della disonesta vita di Maometto e de' suoi cattivi compagni, i quali dicono che furono suoi apostoli. Appresso gridano: "Fate la tale cosa", ch'è sarebbe disonesto a scrivere com'eglino dicono scolpitamente: "Crescete e moltiplicate", sicché la legge di Maometto cresca e moltiplichi. E così fanno per lo simile modo quando viene l'ora di vespro, salvo che eglino stanno in sul campanile tre cotanti a gridare, raccontando cose disonestissime di lussuria le quali fece Maometto in questo mondo, e così comandando che ciascuno si sforzi di fare; e per questo modo bestialmente vivono» [11, p. 225] («...и так они делают три круга по галерее, громко выкрикивая, что настал девятый час, а также рассказывая о бесчестной жизни Магомета и его дурных товарищей, про которых они говорят, что те были его апостолами. Потом они кричат: "Сделайте то-то", так что и писать стыдно, как отчетливо они выговаривают: "Плодитесь и размножайтесь", дабы закон Магомета возрастал и распространялся. И подобным образом поступают они, когда наступает время вечерней службы, разве что в это время три человека кричат на колокольне,

рассказывая о бесчестнейших прелюбодеяниях, которые совершал Магомет в этой жизни, повелевая тем самым каждому стремиться к тому же; так по-скотски живут они»). А Браска отмечает, что мусульманская вера с уважением относится к «нашему Спасителю», но над Гробом Господним, Голгофой и христианским таинством смерти насмехается [6, р. 70–71].

Вместе с тем есть и положительные отзывы. Поджибонси рассказывает, как гид-араб, похищенный бедуинами в Синайской пустыни, вернулся через два дня к испуганным и потерянным паломникам. Роберто да Сансеверино вспоминает приятного арабского юношу, который показал паломникам дорогу и подарил им козленка. Микеле да Фильине пишет о приветливом арабе, который, как выяснилось из беседы, бывал во Флоренции.

Особую категорию мусульман составляют христиане-отступники, которые обычно служат переводчиками (*turcimanni*) у паломников. Отношение к ним тоже весьма различное: Поджибонси решительно осуждает их, говорит об их алчности, об их вечной гибели. Фрескобальди, скорее, сочувствует такому переводчику, родом из Венеции, и советует ему вернуться на родину и вновь принять христианство. Микеле да Фильине хоть и упоминает одного такого отступника, попытавшегося его обмануть, но от оценки воздерживается.

Различен и стиль описания у разных авторов. Поджибонси в целом «бесстрастен», но некоторые моменты путешествия он изображает с глубоким чувством (страха — во время бури, изумления — при виде Иерусалима, разных достопримечательностей, а также непривычных животных и растений или плодов, тихой и глубокой радости религиозных переживаний); при этом он всегда помнит о тех, кто прочитает его дневник. Перечисляя разные группы христиан, он высказывает и собственное мнение: «...хотя мы и не считаем, что это истинные христиане» («...benché noi non crediamo che sieno veri cristiani» [11, р. 116]). А описывая козу, не может удержаться от удивления, что она оседлана («Or chi crederebbe che la capra portasse sella, e anche il freno e la poselle, a modo di cavallo?» [11, р. 118] — «Кто бы подумал, что на козу надели седло, а также уздечку и чересседельник, как на лошадь?»). Приблизительно то же можно сказать о стиле Санто Браски: он стремится к «объективности», пишет ровно и спокойно, но в повествовании о разных приключениях, случившихся с ним, появляются личные нотки.

А когда чему-то удивляется Симоне Сиголи, то его стиль становится очень эмоциональным и даже почти разговорным: «...delle più belle cose del mondo vi si trovano e de' più nobili e ricchi lavorii, per tale che <...> se tu avessi i denari nell'osso della gamba, senza fallo te la romperesti per comprare di queste cose, perocché tu non sapresti immaginare colla mente quella ragione di cosa che quivi non si trovi, e sia fatta come si vuole» [II, p. 239] («...там находятся самые прекрасные вещи в мире и самые благородные и богатые изделия, такие, что <...> если бы у тебя деньги находились внутри кости ноги, ты несомненно сломал бы ее, чтобы купить их, потому что ты даже не можешь вообразить в уме, какие только вещи там можно найти и как они сделаны»).

Подводя итоги, можно сказать, что при всем разнообразии — жанровом, содержательном, стилистическом — сочинений такого рода интерес к материальным свидетельствам о евангельских событиях и к контексту путешествия присутствует всегда. «Мир сей» в той или иной мере вторгается в текст дневника паломничества. Если в ранних текстах главное внимание уделяется изображению мест Священной истории и духовному назиданию, то в XV в. акцент начинает смещаться в сторону развлечения читателя. Любознательность становится основным стимулом паломничества и, соответственно, влияет на модальность его описания. Рассказ об увиденных странах, людях и их обычаях, фиксация любопытных происшествий, случившихся с автором, порой затмевают собственно религиозный аспект³. «Чужое» становится более интересным и, порой, более ценным, чем «свое».

Список литературы

- 1 *Добиаш-Рожественская О.А.* Западноевропейские паломничества в Средние века. СПб.: Акционер и Ко, 2006. 142 с.
- 2 *Муштанова О.Ю.* Представления о чудесном в культуре средневекового Запада и их воплощение в жанре *mirabilia* // Филологические науки в МГИМО. М.: Изд-во МГИМО-Университет, 2012. № 48 (63). С. 186–193.
- 3 *Ненарокова М.Р.* Чудеса Востока глазами средневековых европейских путешественников // Культурологический журнал. 2014. № 3. С. 1. URL: http://www.cjournal.ru/rus/journals/281.html&j_id=20 (дата обращения: 01.02.2019).

³ О процессе секуляризации религиозной литературы на пороге Возрождения см.: [4, с. 161–169].

- 4 *Топорова А.В.* Религиозная жизнь средневековой Италии в зеркале литературы. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. 191 с.
- 5 *Шупляк С.П.* Западноевропейские средневековые паломничества. Минск: БДУ, 2013. 219 с.
- 6 *Brasca S.* Viaggio in Terrasanta di Santo Brasca, 1480; con l'Itinerario di Gabriele Capodilista, 1458 / A cura di A.L. Momigliano Lepschy. Milano: Loganesi, 1966. 301 p.
- 7 *Cherubini G.* I pellerini // *Viaggiare nel Medioevo* / A cura di S. Gensini. Roma: Pacini, 2000. P. 537–566.
- 8 *Le Goff J.* L'imaginaire medieval. P.: Gallimard, 1985. XXI, 352 p.
- 9 *Mariano da Siena.* Viaggio fatto al Santo Sepolcro, 1431. In appendice: Viaggio di Gaspere di Bartolomeo / A cura di P. Pirillo. Ospedaletto: Pacini, 1991. 175 p.
- 10 *Montesano M.* Da Figline a Gerusalemme: viaggio del prete Michele in Egitto e in Terrasanta (1489–1490). Con il testo originale del viaggio di ser Michele. Roma: Viella, 2010. 187 p.
- 11 *Pellegrini scrittori: viaggiatori toscani del Trecento in Terrasanta* / A cura di A. Lanza e M. Troncarelli. Firenze: Ponte alle Grazie, 1990. 342 p.
- 12 *Richard J.* Il santo viaggio: pellegrini e viaggiatori nel Medioevo. Sesto San Giovanni: Jouvence, 2014. 119 p.
- 13 *Rinuccini A.* Sanctissimo peregrinaggio del Sancto Sepolcro, 1474. In appendice: itinerario di Pierantonio Buondelmonti, 1468 / A cura di A. Calamai. Pisa: Pacini, 1993. 292 p.
- 14 *Skottiki K.* «Was gibt es Grösseres als die Reise nach Jerusalem?» Die lateinisch-christliche Geschichtsschreibung des Mittelalters am Beispiel der Kreuzungschronik (um 1110 n. Chr.) des Robert von Reims // *Wozu Geschichte? Historisches Denken in vormodernen historiographischen Texten. Ein transkultureller Vergleich* / Hg. Von S. Conermann (Bonner Asienstudien 18). Berlin: EB-Verlag, 2017. S. 67–110.
- 15 *Sumption J.* Monaci, santuari, pellegrini: la religione nel Medioevo. Roma: Editori riuniti, 1999. 397 p.
- 16 *Zanzi L.* Metamorfosi dei pellegrinaggi dall'età medioevale all'età moderna // *Medioevo in cammino: l'Europa dei pellegrini. Atti del Convegno internazionale di studi. Orta San Giulio, 2–7 settembre 1987.* Orta San Giulio, 1989. 430 p.

References

- 1 *Dobiash-Rozhdstvenskaia O.A.* *Zapadnoevropejskie palomnichestva v Srednie veka* [Western European pilgrimages in the Middle Ages]. St. Petersburg, Akcioner i Ko Publ., 2006. 142 p. (In Russ.)
- 2 *Mushtanova O.Iu.* Predstavleniia o chudesnom v kul'ture srednevekovogo Zapada i ikh voploshchenie v zhanre mirabilia [Ideas of the miraculous in the culture of the medieval West and their embodiment in the genre of mirabilia]. *Filologicheskie nauki v MGIMO*

- [Philological disciplines in MGIMO]. Moscow, Izdatel'stvo MGIMO-Universitet Publ., 2012, no 48 (63), pp. 186–193. (In Russ.)
- 3 Nenarokova M.R. Chudesa Vostoka glazami srednevekovykh evropeiskikh puteshestvennikov [Miracles of the East as seen by the Medieval European travelers]. *Kul'turologicheskii zhurnal*, 2014, no 3, p. 1. Available at: http://www.cr-journal.ru/rus/journals/281.html&j_id=20 (accessed 01 February 2019). (In Russ.)
- 4 Toporova A.V. *Religioznaia zhizn' srednevekovoi Italii v zerkale literatury* [Religious life in medieval Italy as reflected in literature]. Moscow, St. Petersburg, Centr gumanitarnykh iniciativ Publ., 2018. 191 p. (In Russ.)
- 5 Shupliak S.P. *Zapadnoevropeiskie srednevekovye palomnichestva* [Western European medieval pilgrimages]. Minsk, BDU Publ., 2013. 219 p. (In Russ.)
- 6 Brasca S. *Viaggio in Terrasanta di Santo Brasca, 1480; con l'Itinerario di Gabriele Capodilista, 1458*, a cura di A. L. Momigliano Lepschy. Milano, Loganesi, 1966. 301 p. (In Italian)
- 7 Cherubini G. *I pellerini. Viaggiare nel Medioevo*, a cura di S. Gensini. Roma, Pacini, 2000. P. 537–566. (In Italian)
- 8 Le Goff J. *L'imaginaire medieval*. P., Gallimard, 1985. XXI, 352 p. (In French)
- 9 Mariano da Siena. *Viaggio fatto al Santo Sepolcro, 1431. In appendice: Viaggio di Gaspare di Bartolomeo*, a cura di P. Pirillo. Ospedaletto, Pacini, 1991. 175 p. (In Italian)
- 10 Montesano M. *Da Figline a Gerusalemme: viaggio del prete Michele in Egitto e in Terrasanta (1489–1490). Con il testo originale del viaggio di ser Michele*. Roma, Viella, 2010. 187 p. (In Italian)
- 11 *Pellegrini scrittori: viaggiatori toscani del Trecento in Terrasanta*, a cura di A. Lanza e M. Troncarelli. Firenze, Ponte alle Grazie, 1990. 342 p. (In Italian)
- 12 Richard J. *Il santo viaggio: pellegrini e viaggiatori nel Medioevo*. Sesto San Giovanni, Jouvence, 2014. 119 p. (In Italian)
- 13 Rinuccini A. *Sanctissimo peregrinaggio del Sancto Sepolcro, 1474. In appendice: itinerario di Pierantonio Buondelmonti, 1468*, a cura di A. Calamai. Pisa, Pacini, 1993. 292 p. (In Italian)
- 14 Skottiki K. "Was gibt es Grösseres als die Reise nach Jerusalem?" *Die lateinisch-christliche Geschichtsschreibung des Mittelalters am Beispiel der Kreuzungschronik (um 1110 n. Chr.) des Robert von Reims*. Wozu Geschichte? Historisches Denken in vormodernen historiographischen Texten. Ein transkultureller Vergleich. Hg. Von S. Conermann (Bonner Asienstudien 18). Berlin, EB-Verlag, 2017. S. 67–110. (In German)
- 15 Sumption J. *Monaci, santuari, pellegrini: la religione nel Medioevo*. Roma, Editori riuniti, 1999. 397 p. (In Italian)
- 16 Zanzi L. *Metamorfosi dei pellegrinaggi dall'età medioevale all'età moderna*. Medioevo in cammino: l'Europa dei pellegrini. Atti del Convegno internazionale di studi: Orta San Giulio, 2–7 settembre 1987. Orta San Giulio, 1989. 430 p. (In Italian)